

A. Gorbunova

LEXICAL MEANS OF DEPICTING NATIONAL AND CULTURAL COLOURING OF FRANCE IN MODERN ENGLISH NOVEL AND PECULIARITIES OF THEIR RUSSIAN TRANSLATION (BASED ON "THE DA VINCI CODE" BY DAN BROWN).

Abstract. The article covers the analysis of the main lexical means depicting national and cultural coloring of France in "The Da Vinci Code" by Dan

Brown, as well as the methods of translation, applied by N.V. Reyn, into the Russian language and reflection of author's stylistics.

Key words: national and cultural coloring; words with no direct equivalents in other languages; transcription; calque; translator's note; stylistic idea of the author; foreign words; equivalent interlingual translation.

УДК 81,255,2

Журнова Е.В.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ И ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ТЕКСТАХ Г. ФЛОБЕРА И В ИХ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. Представленная статья рассматривает использование грамматических и лексических средств в романе Гюстава Флобера «Мадам Бовари». Интересным является и выбор языковых средств в художественном переводе М. Ромма. Проанализированы тексты, в которых раскрыты образы Эммы и Шарля Бовари.

Ключевые слова: грамматические и лексические средства, роман Гюстава Флобера «Мадам Бовари», языковые средства.

Лингвистический анализ текстов романа Гюстава Флобера «Мадам Бовари» и их художественного перевода позволяет увидеть лексические и грамматические средства, используемые автором и переводчиком.

Проанализируем отрывок романа, в котором раскрывается характер Эммы Бовари, и его перевод на русский язык М. Ромма.

Интересным для нашего рассмотрения является отрывок, в котором Эмма признает тот факт, что радость ей доставит только рождение сына, но не дочери. Эмма, кажется, вовсе не видит никакой радости в появлении дитя. Она размышляет о положении женщины в обществе и решает, что была бы счастлива, будь она женщиной. Таким образом, для нее лишено всякого смысла рождение дочери.

Sependant, comme Charles, a tous les repas, parlait du marmot, bientôt elle y songea d'une façon continue.

Elle souhaitait un fils; il serait fort et brun, elle l'appellerait Georges; et cette idée d'avoir pour enfant un mâle était comme la revanche en espoir

de toutes ses impuissances passées. Un homme, au moins, est libre; il peut parcourir les passions et les pays, traverser les obstacles, mordre aux bonheurs les plus lointains. Mais une femme est empêchée continuellement. Inerte et flexible à la fois, elle a contre elle les mollesse de la chair avec les dépendances de la loi. Sa volonté, comme le voile de son chapeau retenu par un cordon, palpité à tous les vents; il y a toujours quelque désir qui entraîne, quelque convenance qui retient.

Elle accoucha un dimanche, vers six heures, au soleil levant..

— C'est une fille ! dit Charles.

Elle tourna la tête et s'évanouit [2, 105].

Однако Шарль за обедом постоянно говорил о бутузе, и скоро она начала больше о нем думать.

Ей хотелось сына. Это будет крупный черноволосый мальчик, она назовет его Жоржем. Мысль, что ее ребенок будет мужчиной, как бы давала ей надежду на вознаграждение за все прежние горести. Мужчина по крайней мере свободен: он может изведать все страсти и скитаться по всем странам, преодолевать препятствия, вкушать самые недоступные радости. Женщина же вечно связана. Косная и в то же время податливая, она вынуждена бороться и со слабостью тела, и с зависимостью, налагаемой на нее законом. Воля ее, словно сдерживаемая шнурком вуаль ее шляпки, трепещет при малейшем ветерке; вечно женщину увлекает какое-нибудь желание, вечно сдерживает какая-нибудь условность.

Эмма родила в воскресенье, около шести часов, на восходе солнца.

- Девочка! – сказал Шарль.

Роженица отвернула лицо и потеряла сознание [3, 104].

Доминирующие грамматические средства в тексте Флобера представлены именем существительным (39 употреблений), глаголом и его формами (28 употреблений), именем прилагательным (11 употреблений).

Следует обратить внимание на то, что большинство знаменательных грамматических средств, используемых Флобером в данном отрывке – имена существительные. Употреблены они здесь в некотором противопоставлении: здесь две семантические группы существительных. Первая группа – существительные, которые характеризуют представление Эммы о рождении на свет сына: *idée, enfant, mvle, revanche, espoir, impuissances, homme, passion, pays, obstacles, bonheurs*. Вторая группа – то, что видела и чувствовала Эмма при мысли о рождении дочери: *femme, mollesse, chair, dépendences, loi, voile, chapeau, cordon, vents, desir, convenance*. Первая группа слов символизирует решимость, уверенность и твердость, радость человеческих страстей, надежду на свободу, возмещение за ее собственные страдания, кажущиеся Эмме свойствами жизни мужчин. М. Ромм при переводе употребляет слова: мысль, ребенок, мужчина, вознаграждение, надежда, прежние горести, страсти, страны, препятствия, недоступные радости. Переводчик использует лексические трансформации: прежние горести-*impuissances*. В восприятии Эммы действительно невозможность, неспособность осуществить свои планы и мечты является горестью. Выбор переводчика очень точно передает русскому читателю состояние героини. Лексическая трансформация присутствует в виде генерализации (расширения) значения в переводе сочетания *bonheurs les plus lointains* (недоступные радости). Если бы было сказано «самые далекие радости», то это прозвучало бы с обедненной эмоциональной окраской, и отчаяние Эммы не было бы передано.

Вторая группа слов – то, чего ждет Эмма от появления на свет дочери: слабости, эфемерности, зависимости от законов и социальных условностей. Таким образом, для Эммы появление ребенка – не смысл дальнейшего существования, а одна из задач, поставленных судьбой для разрешения внутренних противоречий ее сознания. Ребенок, появившийся на свет, в результате оказывается второстепенным и незамеченным персонажем романа. В переводе мы наблюдаем: женщина, слабость тела, зависимость, закон, вуаль шляпки, желание, при малейшем ветерке,

условность. Лексическая трансформация необходима при переводе в виде конкретизации: *a tous les vents* (при малейшем ветерке). Поскольку в русском сознании принято противостоять «всем ветрам назло», выбор – малейший ветерок – позволяет почувствовать хрупкость и ранимость состояния души Эммы.

Группа существительных, характеризующих рождение мальчика, «сопровождена» глаголами, обозначающими активное действие, преодоление: *peut parcourir, traverser, mordre*. В переводе М. Ромм также употребляет глаголы: может изведать, скитаться, преодолевать.

Женщины же, исходя из размышлений Эммы, безвольны, влекомы страстями, их существо сравнимо с вуалью на шляпке, трепещущей от дуновения легкого ветерка: *palpite, entraîne, retient*. Этим словам соответствуют: трепещет, увлекает, сдерживает.

Эмма не готовилась к рождению ребенка, она поручила все приготовления швее, тем более она не была готова к рождению дочери. Действия самой Эммы описаны предельно лаконично: она мечтала о сыне - *Elle souhaitait un fils* (Ей хотелось сына), родила дочь - *elle accoucha* (отметим использование времени *passé simple*, употребляемого в литературных стилях – в повествовании, докладах, лекциях, то есть здесь рождение ребенка – это отстраненное изложение события, не отмеченное никаким образом эмоционально), услышав, что у нее дочь она отвернулась и потеряла сознание - *elle tourna la tête et s'évanouit*. В русском переводе добавлено слово роженица, это и позволяет компенсировать отсутствие у нас похожего времени. Роженица, отворачивающая лицо от ребенка, подчеркивает наличие пропасти между ними, это и создает ощущение холодности и отстраненности.

Остальные действия, выраженные глаголами в данном отрывке – *суэта Шарля* по поводу рождения ребенка, знакомой владелицы трактира, фармацевта и его жены. Таким образом, появление на свет дочери для Эммы было еще одним лишенным яркости событием, как и все остальные события, произошедшие за время ее супружеской жизни. Для слова *l'enfant* переводчик предлагает слово *малютка*. Данная лексическая трансформация в виде конкретизации позволяет читателю почувствовать трагичность ситуации, еще больше пожалеть нелюбимое дитя Эммы.

Проанализируем отрывок, характеризующий Шарля Бовари.

La conversation de Charles était plate comme un trottoir de rue, et les idées de tout le monde y défilaient dans leur costume ordinaire, sans exciter

d'émotion, de rire ou de rêverie. Il n'avait jamais été curieux, disait-il, pendant qu'il habitait Rouen, d'aller voir au théâtre les acteurs de Paris. Il ne savait ni nager, ni faire des armes, ni tirer le pistolet, et il ne put, un jour, lui expliquer un terme d'équitation qu'elle avait rencontré dans un roman.

Un homme, au contraire, ne devait-il pas, tout connaître, exceller en des activités multiples, vous initier aux énergies de la passion, aux raffinements de la vie, à tous les mystères? Mais il n'enseignait rien, celui-la, ne savait rien, ne souhaitait rien. Il la croyait heureuse; et elle lui en voulait de ce calme si bien assis, de cette pesanteur sereine, du bonheur même qu'elle lui donnait [2, 56].

Разговоры Шарля были плоски, как уличная панель, общие места вереницей тянулись в них в обычных своих нарядах, не вызывая ни волнения, ни смеха, ни мечтаний. Он сам вспоминал, что, когда жил в Руане, ни разу не любопытствовал зайти в театр, поглядеть парижских актеров. Он не умел ни плавать, ни фехтовать, ни стрелять из пистолета, и, когда однажды Эмма натолкнулась в романе на непонятное слово, относившееся к верховой езде, он не мог объяснить его значение.

А между тем разве мужчина не должен знать всего, отличаться во всех видах человеческой деятельности, посвящать свою подругу во все порывы страсти, во все тонкости и тайны жизни? Но он ничему не учил, ничего не знал, ничего не желал. Он считал Эмму счастливой! И ее раздражало его благодушное спокойствие, его грузная безмятежность и даже счастье, которое она дарила ему [3, 69].

В приведенном отрывке мы можем пронаблюдать следующие количественные показатели употребления грамматических средств: имя существительное в тексте Флобера употребляется 30 раз – в тексте перевода – 29, соответственно, глагол – 24 и 21, имя прилагательное 7 и 10. Количество употреблений частей речи практически совпадает в тексте оригинала и в тексте перевода.

Заметим, что в выбранных отрывках образ Шарля Бовари передан, главным образом, бесстрастно, без выражения излишней экспрессии, с превалирующим в описании употреблением имен существительных. Почти такое же количество мы наблюдаем и в русском переводе. Это можно объяснить тем, что это портрет, увиденный и прочувствованный разочаровавшейся в супружестве и даже, как на первый взгляд может показаться, во всей жизни Эммой Бовари. Таким образом, при создании рассмотренных образов немаловажную роль играют грамматические средства. В переводе присутствует интересная лексическая трансформация, которая является также и грамматической: vous – свою подругу. Такой перевод помогает чи-

тателю почувствовать близость отношений, о которых мечтала Эмма.

В следующем тексте представлен портрет Эммы Бовари. Он передан здесь глазами неискушенного, впоследствии безумно в нее влюбленного деревенского доктора, Шарля.

Mademoiselle Rouault ne s'amusait guère à la campagne, maintenant surtout qu'elle était chargée presque à elle seule des soins de la ferme. Comme la salle était fraîche, elle grelottait tout en mangeant, ce qui découvrait un peu ses lèvres charnues, qu'elle avait coutume de mordillonner à ses moments de silence.

Son cou sortait d'un col blanc, rabattu. Ses cheveux, dont les deux bandeaux noirs semblaient chacun d'un seul morceau, tant ils étaient lisses, étaient séparés sur le milieu de la tête par une raie fine, qui s'enfonçait légèrement selon la courbe du crâne; et, laissant voir à peine le bout de l'oreille, ils allaient se confondre par derrière en un chignon abondant, avec un mouvement onde vers les tempes, que le médecin de campagne remarqua la première fois de sa vie. Ses pommettes étaient roses. Elle portait, comme un homme, passé entre deux boutons de son corsage, un lorgnon d'îcaille [2:30].

Мадемуазель Руо очень невесело живет в деревне, особенно теперь, когда ей приходится вести одной все хозяйство. В зале было холодно, девушка слегка дрожала, и от этого приоткрывались ее пухлые губки. У нее была привычка прикусывать их в минуты молчания.

Белый отложной воротничок низко открывал ее шею. Ее черные волосы разделялись тонким пробором, спускавшимся к затылку, на два бандо, так гладко зачесанных, что они казались цельным куском; едва закрывая уши, они были собраны сзади в пышный шиньон и оттеняли виски волнистой линией; такую линию сельский врач видел впервые в жизни.

Щеки у девушки были розовые. Между двумя пуговицами корсажа был застегнут, как у мужчины, черепаховый лорнет [3: 50].

В образе мадам Бовари мы отметим превалирующее множество существительных (36 употреблений). Это может указывать нам на предметность, вещьность изображаемого портрета. Такой взгляд может быть свойственен и более реалистичному отношению к героине романа, может он также свидетельствовать о том, как мог бы видеть героиню ее будущий муж, человек, не отличающийся изысканностью в восприятии окружающего мира, обращающий большее внимание на предметные детали, нежели на внутренний мир возлюбленной. Таким образом, грамматические средства являются элементами, привносящими в изображаемый образ реалистичность, свойственную литературной тра-

диции того времени, которой придерживался автор романа. В переводе Ромма присутствуют опущения (*tout en mangeant*), употребление множественного числа (*уши*) вместо единственного (*le bout de l'oreille*), также мы наблюдаем синтаксические перестановки, без которых не обойтись. Например: *Son cou sortait d'un col blanc, rabattu*. Если мы скажем: Ее шея вылезала из белого воротника, то это укажет на грубый стиль. С помощью изменения порядка слов переводчик добивается адекватности: Белый отложной воротничок низко открывал ее шею.

Как показал проведенный анализ, грамматические средства использованы не случайно в создании образов Эммы и Шарля. Важную роль играет и их лексическое значение. Представляет интерес и выбор переводчика, языковые средства русского языка, которые позволяют донести до читателя характеры персонажей романа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимов В.В. О приемах, используемых при переводе текста с одного языка на другой. // Внутренний

мир и бытие языка: процессы и формы (ред. Н.В. Иванов). – М.: ЗАО «Книга и бизнес». – 2008. – С. 266-269.

2. Flaubert G. *Madame Bovary*. – М.: Edition en langues йtrangieres. -1956. - 382p.
3. Флобер Г. Собр. соч. в пяти томах./т.1. –М.: Правда. – 1956. - 356 с.- С. 37-311.

H. Zhirnova

FEATURES GRAMMATICAL AND LEXICAL MEANS IN TEXTS BY FLAUBERT AND THEIR LITERARY TRANSLATION INTO RUSSIAN

Abstract. The article under review is devoted to the analysis of lexical and grammatical means in the novel *Madam Bovary* written by Gustav Flaubert. The choice of linguistic means of language in the translation introduced by M. Romm is very interesting. The texts devoted to Amma's and Sharl Bovary's characters are analyzed in detail.

Key words: lexical and grammatical means, the novel *Madam Bovary* written by Gustav Flaubert, means of language.

УДК 008.009:39; 008:351.858

Ковлягина С.В.

КОРЕНЬ «КУЛЬТУР-» В СИСТЕМЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с заимствованием одного и того же корня двумя разными языками. В качестве предмета исследования выступает корень *культур-* латинского происхождения – III век до н.э.

Ключевые слова: латинский, заимствование, корень, культура

Актуальность вопросов, связанных с *культурой*, приобрела в наше время небывалую остроту. По мнению С.Г. Тер-Минасовой, «в последние годы социальные, политические и экономические потрясения мирового масштаба привели к небывалой миграции народов, их переселению, расселению, столкновению, смешению, что, разумеется, приводит к *конфликту культур*» [Тер-Минасова С.Г. 2008, 19].

Но в современном мире наблюдаются и положительные тенденции: поиск взаимопонимания, стремление к диалогу культур, развитие интереса и уважения к культуре партнёров по коммуникации. Именно поэтому вопросы общения носителей разных языков и, соответственно, представителей разных культур, то есть вопросы *межкультурного общения*, вызывают сейчас

огромный интерес у многих людей, особенно у специалистов, занимающихся изучением проблем межкультурной коммуникации в современных условиях.

Культура – это явление, привлекающее в настоящее время пристальное внимание учёных, особенно с точки зрения языка, поскольку взаимосвязь языка и культуры не вызывает никакого сомнения. *Язык* можно назвать зеркалом культуры, отражающим «...не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, систему ценностей, мироощущение, видение мира» [Тер-Минасова С.Г. 2008, 14]. В самом деле, не существует такого явления или понятия в реальном мире, которое невозможно было бы описать посредством языка, даже если в последнем отсутствует непосредственное его обозначение. Язык хранит культурные ценности и передаёт сокровища национальной культуры из поколения в поколение; язык является средством формирования личности его носителя через заложенные в нём образ мышления, отношение к окружающе-